

Информация для цитирования:

Сафонов Д. А. Социально-демографический портрет провинциальных журналистов конца 1920-х — начала 1930-х годов (на материалах Оренбургской области) / Д. А. Сафонов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С.456—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-456-477.

Safonov, D. A. (2024). Socio-Demographic Profile of Provincial Journalists in Late 1920s to Early 1930s (Orenburg Region). *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 456-477. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-456-477. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социально-демографический портрет провинциальных журналистов конца 1920-х — начала 1930-х годов (на материалах Оренбургской области)

Сафонов Дмитрий Анатольевич

orcid.org/0000-0003-0882-4592

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
научно-исследовательская лаборатория
«Коммуникационные аспекты
исторического и социального-
экономического развития общества»
d_safonov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта
№ 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Socio-Demographic Profile of Provincial Journalists in Late 1920s to Early 1930s (Orenburg Region)

Dmitriy A. Safonov

orcid.org/0000-0003-0882-4592

Doctor of History, Professor,
senior research scientist,
research laboratory
“Communication aspects
of historical and socio-economic
development of society”
d_safonov@mail.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out with financial
support from the Russian Science
Foundation as part of scientific project
№ 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья представляет собой опыт составления социально-демографического портрета журналистов конца 1920-х — начала 1930-х годов одного провинциального региона. Источниковую базу составили личные дела номенклатуры 1935—1939 годов по Оренбургской области. Данные автобиографий, а также анкет послужили основой для создания базы данных, позволившей проанализировать их основные социографические характеристики. Представленные результаты сопоставительного анализа позволили сделать ряд выводов, применимых и для иных провинциальных областей РСФСР указанного периода. Автор акцентирует внимание на том, что работа газетчиков рассматривалась прежде всего как пропагандистская, почему кадровый вопрос решался за счет направления в редакции номенклатурных работников как лиц, проверенных в идеологическом отношении. Наиболее подходящими были пропагандисты, чаще всего — секретари райкомов. По тем же причинам при необходимости редакторы перенаправлялись на иную работу, связанную с пропагандой. Доказано, что уровень образования и подготовки кадров, пришедших в районные газеты во второй половине 1930-х годов, был вполне достаточным для исполнения служебных обязанностей, а именно — для своевременного обеспечения выхода номеров районных газет с централизованно распространяемой информацией.

Ключевые слова:

периодическая печать; журналисты; Оренбургская область; пропаганда; РСФСР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents an attempt to construct a socio-demographic profile of journalists from the late 1920s to early 1930s within a provincial region. The source base consists of personal files from the nomenclature of the years 1935-1939 pertaining to the Orenburg region. Data derived from autobiographies and questionnaires served as the foundation for creating a database that enabled the analysis of their primary sociographic characteristics. The results of the comparative analysis allow for several conclusions that are applicable to other provincial areas of the RSFSR during the specified period. The author emphasizes that the work of journalists was primarily viewed as propagandistic, which is why staffing issues were resolved by assigning nomenclature personnel to editorial offices, as these individuals were ideologically vetted. The most suitable candidates were propagandists, often serving as secretaries of district committees. For similar reasons, editors were redirected to other tasks related to propaganda when necessary. It has been demonstrated that the level of education and training of personnel who joined regional newspapers in the second half of the 1930s was sufficiently adequate for fulfilling their official duties, namely, ensuring the timely publication of issues of regional newspapers containing centrally disseminated information.

Key words:

periodical press; journalists; Orenburg region; propaganda; RSFSR.

УДК 94:070.422(470.56)“192/193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-456-477

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Социально-демографический портрет провинциальных журналистов конца 1920-х — начала 1930-х годов (на материалах Оренбургской области)

© Сафонов Д. А., 2024

1. Введение = Introduction

После окончания гражданской войны в стране начала создаваться общегосударственная система идеологического воздействия и контроля, достигшая почти совершенного уровня в 1930-х годах, когда пропаганда стала единой, скоординированной и всеобщей. Работа велась параллельно по нескольким направлениям: выработки идейных общегосударственных позиций, поиска и совершенствования приемов воздействия, подготовки кадров в центре и на местах, а также осуществлялась корректировки процесса с учетом приобретаемого опыта — с идейной и организационной сторон. Важным элементом ее была пресса — центральная и местная. Традиционная информационная функция печати перестала быть основной. Ее место заняла функция мобилизационная — организация масс на участие в политических кампаниях и иных партийных начинаниях; расширительно ее можно определить как пропагандистскую. В начале 1930-х годов в каждом регионе сложилась своя система периодических изданий. Например, в Средне-Волжском крае были областные издания: руководящая партийная, крестьянская, комсомольская; журналы: партийный, профсоюзный, кооперативный, планово-экономический. Край делился на округа, и в каждом была своя окружная газета [Средне-Волжская область ..., 1928, с. 11]. Все издания транслировали общепартийные и общегосударственные установки. С 1934 года вместо краев стали создаваться области с административным делением на районы. В конце 1934 года три округа Средне-Волжского края — Оренбургский, Бузулукский и Бугурусланский — были объединены в самостоятельную Оренбургскую область, в которой наряду с областными изданиями были созданы районные газеты; по числу районов — 52. Стала очевидной потребность соответствующего кадрового обеспечения. Источником кадров было прежде всего поколение «революционного перелома», чья социализация приходилась на период революции и гражданской войны. Поколение людей объединяет прежде всего эпоха; но внутри поколения су-

существуют отдельные группы со своими особенностями формирования, действия, мышления [Безгин и др., 2022; Слезин, 2022; Вязинкин и др., 2023]. К одной из таких групп принадлежали газетные работники.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

К проблеме исследования состава и деятельности газетных работников интересующего нас периода ученые, конечно же, обращались — преимущественно филологи и журналисты. Они ставили и ставят свои исследовательские задачи, которые несколько отличны от исторических исследовательских задач — и постановкой таковых, и источниками, и методами исследования. Вероятно, самое главное отличие заключается в рассмотрении проблемы расширительно, вне исторических реалий, без должного учета специфики того или иного исторического периода. Так, например, И. А. Фатеева, рассматривая «журналистское образование в России» на протяжении всего XX века, полагает правильным исследовательским методом «выводы, сделанные на основе теоретического анализа объекта, подкрепить описанием исторического опыта» [Фатеева, 2008а, с. 10]. Характерное для отечественной исторической школы предшествующее анализу собирание максимально представительной источниковой базы заменяется на выборочное использование отдельных документов: «Есть основания предполагать, что значительную научную ценность будут иметь исторические фрагменты работы» [Фатеева, 2008а, с. 13]; «Цель данной статьи — не только “озвучить” архивные документы, но и провести их анализ» [Селифонова, 2013] и т. п. Поэтому серьезные по содержанию выводы нередко основываются на единичных фактах: «Занимаясь проблемой правового “поля” организации и деятельности советской печати, мы обнаружили в архивных документах информацию о подготовке кадров прессы в Орловской областной партийной школе газетных и пропагандистских работников в 30—40-е годы XX века» [Селифонова, 2012]. И на основе этой информации автор заключает, что становление и развитие местной периодической печати по стране приходится на 1930—1940-е годы. Журналистское образование на всем протяжении XX века было «эволюционирующим» [Фатеева, 2008а, с. 10], то есть процесс происходил как бы вне социальных перемен и реалий столетия. В работах некоторых авторов заявляется, что пресса и журналисты противостоят «партийному диктату» и партийным чиновникам [Фатеева, 2007; Тепляков, 2013; Приходько, 2014]; газеты несут высокую гуманистическую миссию: «Районная пресса была не только источником новостей и панорамой местной жизни, но и советчиком, путеводителем в сложных социальных и политических вопросах» [Бабина, 2014, с. 159—166]). Собственно журналисты не становились объ-

ектом изучения, вероятнее всего, по причине ограниченности источниковой базы¹. Сведения о них привлекались в основном с точки зрения становления в рассматриваемый период журналистского образования, связанного тогда с совпартишколами; с особым вниманием к подробностям существования партшкол для газетных работников в 30-х годах [Фатеева, 2007; Фатеева, 2008а; Барунов, 2010; Никонов и др., 2010; Кондратенко, 2010].

Предложенная в свое время методика составления социологического портрета журналиста [Свитич и др., 1979, с. 158—168] включает следующие социально-демографические признаки: пол, возраст, партийность, образование, опыт работы в журналистике и движение «по вертикали» (в современной терминологии — карьерный рост). Данная методика частично применима и для нашей проблемы, но с некоторыми коррективами: помимо социально-демографической структуры, рекомендовался анализ профессионально-творческих характеристик. Информационные возможности имеющихся в нашем распоряжении источников не позволяют изучить последнее.

Мы рассмотрели личные дела номенклатуры, находящиеся в фонде 371 (Оренбургский областной комитет КПСС) Объединенного государственного архива Оренбургской области, во временных границах 1935—1939 годов (в отдельных случаях 1940-е годы — до момента, когда работник снимался с номенклатуры и дело закрывалось). Из них были выбраны все те, где в информации о трудовой деятельности так или иначе упоминалась газетная работа. Общее количество таких дел — 81; их можно рассматривать как естественную выборку. Дела содержат личный листок по учету кадров, автобиографию, материалы спецпроверки, проводимой при рекомендации работника на руководящую должность, выписку из решения бюро обкома партии об утверждении на должность.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социально-демографические признаки журналистов Оренбуржья конца 1920-х — начала 1930-х годов: возраст и образование

Газетных работников можно поделить на две группы: ставших таковыми на определенном этапе трудовой деятельности на достаточно длительный период (как вариант — с последующим уходом из газетного дела), и на тех, у кого работа в газете была временным эпизодом трудовой биографии.

Также условно можно выделить четыре возраста: родившиеся в конце XIX века, в первом десятилетии XX века, втором десятилетии и 1920-х го-

1 Статья Л. Г. Свитич «Журналисты двадцатых годов (из истории социологических исследований)» [Свитич, 1973], на первый взгляд, опровергает наше суждение, но в ней повествуется прежде всего о попытках в 1920-х годах изучения журналистов как социологического объекта.

дах. Наиболее многочисленная группа — первое десятилетие (68,75 %). Ее также можно поделить на две группы, первые два возраста — группа А, третий, четвертый — Б. К группе А относятся не просто родившиеся до революции, но в той или иной степени заставшие прежний мир, с ним знакомые не только по рассказам родственников, но и на своем опыте. Группа Б — те, кто знали прошлое только понаслышке, формировались как личности в единственно мыслимой среде — советской. И все же, на наш взгляд, общность бытия в одних социальных условиях, реалиях, идеях позволяет говорить о них всех как одном поколении.

Анализировать некоторые иные анкетные данные можно, но значительной дополнительной информации это не даст: по половому признаку — все были мужчины; по партийности — все без исключения были коммунистами, поскольку с 1920-х годов это было обязательным требованием к кандидату на газетную должность. Малоинформативны данные о социальном происхождении родителей и самого работника («соцпроисхождении» и «соцположении»): и то, и другое указывались политически правильно.

Обращает на себя внимание, что абсолютное большинство газетных работников после 1934 года направлялось в Оренбуржье с территорий других округов Средне-Волжского края с формулировкой «в распоряжение Оренбургского обкома». «Своих» (местных) кадров было явно недостаточно. Направлялись работники с определенным опытом, поэтому в отношении их в отдельных случаях мы затрагиваем данные конца 1920-х годов.

Образование. Обобщая данные анкет, получаем следующую картину: без образования — 2 чел. (2,5 %), «низшее» — 9 чел., незаконченное начальное — 14, начальное — 3 чел. — всего 32 %. Незаконченное среднее — 15 чел., среднее — 26 чел. (всего 50 %), наконец, незаконченное высшее — 6 и высшее образование — 7 чел.¹

Но следует учитывать, что уровень своего образования респонденты указывали сами, поэтому встречаются уточнения: «сельское (низшее)», «ниже среднего (сельское)»; «незаконченное высшее» (Гончаров Т. К. при этом уточнял, что речь идет о вечернем рабфаке и курсах по подготовке в вуз [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 2465]); аналогично П. Ф. Унгуриянов в анкете писал, что учился в агроветинституте в Чкалове, но ушел с 1 курса, а в автобиографии — что ушел с шестимесячных курсов по

1 Для сравнения: в Курской области в 1936 году из 84 редакторов и заместителей редакторов районных газет высшее образование было у четырех человек, среднее — у 10, неполное среднее — у четырех, у остальных 66 человек — начальное образование [Селифонова, 2013]. В 1936 году в Челябинской области из 63 редакторов районных газет только 1 был с высшим образованием, 23 со средним и неоконченным средним и 39 с начальным [Фатеева, 2007, с. 31] (соответственно 79 % и 62 %).

подготовке в вуз [Там же, д. 2223, л. 3, 15]; А. Е. Рыжов указывал: «низшее», но оговаривался, что не окончил второго класса — только «стал читать и писать» [Там же, д. 3555, л. 6]. Уместно указать, что в дальнейшем он был рабкором, а затем шесть лет проработал в газете. Сходным образом М. А. Сидорович в анкете указывал 9 классов, явно суммируя годы пребывания в разных учебных заведениях, из которых не закончил ни одного, что, впрочем, не мешало ему работать учителем. В его партийной характеристике указывалось четко: образование низшее [Там же, д. 918, л. 8]. Интервал между назначением редактором и направлением его на курсы подготовки / переподготовки редакторов районных газет достигал в среднем 1—2 лет. О повышении требований к редакторам заговорили позднее. Так, упомянутый П. Унгуриянов в 1940 году просил освободить его от должности, «мотивируя тем, что его образование не обеспечивает полноту работы», ссылаясь при этом на решение ЦК «О районных газетах», требовавшего, чтобы все редакторы имели образование не ниже среднего [Там же, д. 2223, л. 22—23].

Если говорить о **культурном уровне** респондентов, то некоторую информацию дают так называемые «Заключения», даваемые работником райкома при решении вопроса о назначении на номенклатурную должность (в данном случае — редакторскую). У многих информация излагалась достаточно скупо, но у некоторых присутствовал раздел «Работа над собой». Так, у И. В. Стародубцева отмечалось: «Закончил изучение учебника краткий курс истории ВКП(б) — *без конспектов*. Читает худож. лит. Ванду Василевскую “Земля в ярме” и другие. Читает “Спутник агитатора” и “Большевик” и регулярно газеты “Правда” и “Чкаловская коммуна»» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1371, л. 22] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников). У С. Ф. Савелова: «Изучение краткого курса истории ВКП(б), закончил 8 главу. Кроме этого, читал “Историю средних веков”, “Происхождение человека” Дарвина и др. В настоящее время больше интересуется вопросами текущего момента» [Там же, д. 458, л. 19]. А. Н. Таркин: «Краткий курс “Истории ВКП(б)” один раз прочитал, и около 2-х месяцев не читал вследствие болезни желудка» [Там же, д. 1763]. Горбунов А. И.: «“Краткий курс” изучает, записи делает на 2 главы. Прочитал весь учебник. Учится русскому языку» [Там же, д. 2516, л. 1].

В постановлении бюро обкома ВКП(б) «О работе районных газет Сакмарского, Ташлинского, Переволоцкого и Люксембургского районов» (19 апреля 1935) отмечалось: «Мало повышают свой уровень редакторы газет: только редактор сакмарской газеты Лакирев читает политическую и художественную литературу. Редакторы переволоцкой, ташлинской и люксембургской — Полякова, Ахматова и Шелль — за последние

3—4 месяца только просматривали газеты» [Оренбургская коммуна ..., 1935, 19 апреля].

Показательны и ответы на вопросы листка по учету кадров: Г. И. Феоктистов в графе «ученая степень (звание)» написал «газетных работников» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 2438], у другого в графе «ученая степень» указан «зоотехник» [Там же, д. 976, л. 3 об.]. Двое, русские по национальности, в таблице «знание иностранных языков и языков народностей СССР» указали: «русский — хорошо»; «русский язык знаю хорошо» [Там же, д. 2302, л. 3 об.; Там же, д. 918, л. 3 об.]. Заместитель редактора районной газеты В. П. Гусев написал «афто-биографию» [Там же, д. 2835]. Показателен пример уже упомянутого выше Г. И. Феоктистова с «низшим образованием», учившегося в Куйбышевской ВКСХШ на газетном отделении с октября 1931 года, отозванного со 2 курса редактором политотдельской газеты. В мае 1936 года «за допущение орфографических ошибок» газета была закрыта, Феоктистов от работы отстранен, но решением райкома он был назначен заместителем редактора районной газеты [Там же, д. 2438, л. 3 об.]. Вероятно, по причине малообразованности он был вновь направлен на областные шестимесячные курсы марксизма, редакторское отделение.

3.2. Социально-демографические признаки журналистов Оренбуржья конца 1920-х — начала 1930-х годов: дополнительное и профессиональное образование

Высшее образование получили (хотя корректнее будет — получали) 7 чел. (7,5 %), причем именно журналистское только четверо. Назовем заведения: Ленинградский государственный институт журналистики имени В. В. Воровского (2 чел.), Коммунистический университет им. Я. Свердлова (Москва) (студент ушел со 2 курса), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского (Москва) (в 1936 году был закрыт; студент ушел со 2 курса); условно сюда можно добавить литфак Куйбышевского педагогического института.

Примерно треть обучалась в совпартшколах, ставших постепенно необходимым условием для номенклатурного роста. Многие авторы, касавшиеся этой темы, определяли такие школы прежде всего как учебные заведения по подготовке кадров управленцев для советского государства [Барунов, 2019, с. 62] либо национальных управленцев: «Основной задачей советско-партийной школы являлась подготовка калмыцких национальных управленцев, партийной и советской номенклатуры, ведущим критерием которой выступала идеологическая направленность [Лиджеева и др., 2019, с. 45; 46]. В принципе подобное суждение вполне имеет право на существование, вот только авторы упускают важный момент: это были учебные заведения не государства, а партии. Первоначально они и назывались пар-

тийно-советскими. Их содержание работы корректировалось в связи с задачами, которые ставила партия. В 1920-е годы готовили пропагандистов и секретарей первичных ячеек; в 1930-х — кадры низовых работников для промышленности и сельского хозяйства. Позднее были коррективы в условиях военного времени и в свете задач восстановительного периода. При всех переменах сохранялись два основных момента: внимание к отбору обучаемых кадров и ориентированность на возможность осуществления пропагандистской деятельности [Сафонов, 2020, с. 44—55].

Рассмотрим варианты партийных учебных заведений, где учились респонденты: совпартшкола (СПШ) (Оренбург, Актюбинск, Рязань), Высшая комсомольская сельско-хозяйственная школа (ВКСХШ) в Оренбурге (с вечерним отделением) (позднее Чкаловская облпартшкола), пропагандистская школа (Пенза), вечерний комвуз в Ташкенте, партийная школа в Свердловске. Время обучения варьировалось от 1 ½ лет до трех. В отдельных случаях после СПШ получалось дополнительное образование: так, С. Савелов после губсовпартшколы (ГСПШ) в Рязани был направлен в ВКСХШ в Москве. А также см.: курсы комсомольских пропагандистов; подготовительные курсы института красной профессуры в Самаре; Кубышевская ГСПШ.

Восемь чел. (10 %) имели за плечами помимо школьного образования только курсы в Оренбурге: четырехмесячные курсы пропагандистов Чкаловского обкома ВКП(б), курсы партактива (3 и 6 мес.), курсы марксизма-ленинизма, курсы инструкторов райкомов, сюда же включаем Школу комсомольской молодежи и райпартшколу с отрывом от производства в 1937 году (Названия школ взяты из анкет; вполне возможно, что в отдельных случаях речь идет об одних и тех же). Можно предположить, что некоторые обучающиеся могли получать профессиональную подготовку: в Оренбурге в феврале 1936 года было открыто редакторское отделение на областных курсах марксизма на 15 человек, одновременно открыты областные 3-х месячные курсы газетных работников на 60 человек [ОГАОО, ф. 371, оп. 1, д. 423, л. 14]. Но в то же время есть информация по Бузулукской совпартшколе, что из ее выпускников 25 человек были просто рекомендованы для газетной работы, а также что в районные газеты перебрались работники райкомов [Там же, оп. 3, д. 214, л. 2].

И только у 5 % от общего числа специально отмечено обучение с профессиональным уклоном: 3-х мес. курсы редакторов газет в Оренбурге, Самаре; курсы редакционных работников «Правды» в Москве; шестимесячные центральные курсы повышения квалификации редакторов газет при ЦК ВКП(б); годовичные курсы газетных работников. С профессиональным образованием было плохо, поскольку такового почти не было; вряд

ли даже коммунистический университет действительно мог дать квалифицированное журналистское образование. Так было повсеместно; все авторы, повествовавшие о той или иной газетной школе или вузе, единодушны в признании отсутствия нужных преподавателей. Если прибавить обучавшегося в партийной школе в Свердловске — «специально газетному делу», — то всего получается 6 чел. (7,5 %). Все прочие были в лучшем случае пропагандистами.

Обучение профессии в считанные месяцы, наложенное на начальное или незаконченное среднее, впрочем, и на среднее образование, вызывает уместные дополнительные вопросы относительно качества этого обучения. Были случаи, когда окончившего СПШ сразу назначали редактором газеты, но были и иные, когда человека назначали редактором и лишь потом его направляли на обучение. Так, И. К. Федюнин стал редактором политотдельской газеты в 1931 году, но направлен в ВКСХШ только в 1937 году [ОГАОО, ф. 371, оп. 29, д. 993]

Без журналистского образования, но с богатым газетным опытом был Н. А. Росницкий — 1893 г.р., учившийся еще в Петербургском университете на юридическом факультете, член партии эсеров-максималистов. Он был автором ряда книг — «Лицо деревни», (М., 1926), «Три интернационала» (1923) и др. В газетах он работал с 1917 года, с 1929 года был членом редколлегии «Средне-Волжской коммуны», заведующим сектором печати Средне-Волжской области. Но из газетного дела потом ушел; в декабре 1934 года был откомандирован в Оренбургскую область «на руководящую партийную работу»; стал заведующим промышленно-транспортного отдела Оренбургского обкома [Там же, оп. 28, д. 259, л. 19].

В историографической оценке кадровой политики в газетном деле этого периода можно достаточно условно выделить две позиции. Л. Свитич полагала, что к 1926 году должности редакторов и секретарей редакций были «в основном» укомплектованы, почему дальнейшая работа была ориентирована на «улучшение» состава рядовых сотрудников [Свитич, 2024, с. 24]. Иное мнение заключалось в том, что людских резервов не хватало: «В условиях смены государственного строя России подготовка кадров для местной периодической печати стала делом невероятно трудным» [Салифонова, 2012]. На наш взгляд, необходимы некоторые уточнения: в определенной ситуации должность редактора издания могла действительно какое-то время оказаться незанятой. Но нет никаких оснований полагать это системным явлением: кадрового голода не было и не могло быть. Но не по причине огромного наплыва желающих работать, а по причине проводимой особой кадровой политики — не только в газетном деле, но и в любых иных сферах деятельности.

3.3. Социально-демографические признаки журналистов Оренбуржья конца 1920-х — начала 1930-х годов: опыт работы в газете и движение «по вертикали»

Уместна постановка вопроса: как люди приходили на работу в газету? Большинство авторов его обходит, поскольку ответ кажется более чем очевидным: потому что получил газетное (журналистское) образование или же по собственному выбору и призванию. Многие авторы, затрагивавшие тему рабкоров, однозначно оценивали и оценивают таковых как основной резерв, откуда черпались газетные кадры [Гаврилюк, 2008; Смирнова, 2008; Костякова, 2012]. Возможно, что среди рядовых работников встречались бывшие рабкеры, но вот в рассматриваемых делах по Оренбургской области упоминание о факте, что имярек был рабкором, единичное [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 3555].

Важно указать, что в эти годы самостоятельное трудоустройство (увольнение, поступление на работу) в структуры, принадлежащие государству, распространено не было. Обращает на себя внимание факт, что в автобиографиях исключительно редко указывалось, что тот или иной переход был осуществлен «по собственному желанию». Поскольку автобиографии писались по определенным правилам, можно достаточно ответственно утверждать, что подобное уточнение было обязательным. Разумеется, речь идет о политически важных должностях и занятиях. Приход на таковые происходил поэтапно: вышестоящая партийная структура спускала разнарядку на райком партии. Последний переадресовывал запрос в первичные партийные (реже — комсомольские) организации. В рассматриваемых нами личных делах встречаются упоминания о направлении «по инициативе ЦК в счетоводы» (А. Е. Рыжов) [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 259; оп. 28, д. 3555], «в счет 500 на работу в деревне» (С. С. Ткачев) [Там же, д. 1941]; «был выдвинут по набору учителем» (И. Г. Ильясов) [Там же, д. 4400]; есть сходные направления на работу в НКВД. На должности районного уровня назначал райком партии, также с подачи партийных и комсомольских организаций («Адамовский райком назначил меня ответственным редактором» (И. С. Голиков) [Там же, д. 2409, л. 5 об], «Комсомольская организация депо выдвинула на должность секретаря редакции в создаваемую тогда дорожно-транспортную газету» (Дворянчиков В. В.) [ОГАОО, ф. 371, оп. 26, д. 2959]). Запрос на кандидата исполнялся обязательно, был возможен отзыв из вуза или иного образовательного учреждения (с 1-го курса Куйбышевского планового института, подготовительного отделения Института красной профессуры и др.). Прежняя профподготовка могла учитываться, по решающую роль никогда не играла. Некоторые послужные списки могут вызывать только удивление: чернорабочий, милиционер, киномеханик в Сорочинском райо-

не, в 1932 году «был взят (выдвинут)» зав. агит-массовым отделом Сорочинского райкома; 2 ½ года Оренбургской ВКСХШ, зам. ред. газеты в Акбулаке [Там же, оп. 28, д. 4433]; рабочий стекольного завода, варщик асфальта на станции, безработный в 1929 году в Ашхабаде, пожарный работник на нефтебазе в Сызрани, с 1929 года зав. транспортного отдела газеты «Красный Октябрь» в Сызрани [Там же, д. 3555]; ремонтный рабочий, младший надзиратель в тюрьме, табельщик, агент горфинотдела, армия, политрук изолятора, с 1933 года — зав. райбюро союзпечати [Там же, д. 234].

Мы полагаем, что в основе подобной схемы выдвижения лежала необходимость идеологической проверки кандидата на должность — с учетом сферы его привлечения. Первоначальную гарантию надежности давала первичная организация, затем кандидатуру проверял райком. В итоге назначаемый в первый раз на должность попадал в номенклатуру и в дальнейшем использовался как кадровый резерв. Позднее утвердился несколько иной взгляд на номенклатуру — как на партийно-бюрократическую прослойку [Восленский, 1991]). В рассматриваемый нами период, судя по изученным архивным делам номенклатуры 1930-х годов, это был именно резерв, причем активно используемый, поскольку речь шла о кадрах, уже проверенных.

Достаточно уверенно можно заключить, что решение о перемещении номенклатурного работника на ту или иную должность определялось приоритетами запросов на текущий момент. В качестве примера: Я. В. Сорочкин со 2-го курса Пензенской губсовпартшколы был отправлен на 3-месячные юридические курсы, после чего работал судьей и судисполнителем, затем «переброшен» секретарем ячейки, а в 1929 году «мобилизован на газетную работу» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1340]. Еще один показательный пример. А. Е. Соболев имел четко выстроенную карьеру газетного работника: окончил Свердловский комвуз в Москве, с 1929 года — член редколлегии окружной газеты, с 1930 года — ответственный редактор районной, в 1931 году — курсы переподготовки редакторов райгазет в Самаре, затем — редактор газеты в Ставрополе. Но в 1932 году «переброшен» «в связи с большим прорывом на Первомайском асфальтовом заводе в пусковой период» на этот завод секретарем парткома, затем — зам. директора завода [Там же, д. 1198].

Если суммировать конкретные примеры из личных дел, то на должность редактора люди приходили с должностей председателя колхоза, заведующего орготделом, пропагандиста, секретаря комитета комсомола, инспектора РОНО, секретаря парткома, председателя рабочкома, секретаря райкома, инструктора райисполкома, пожарного работника на нефтебазе, заместителя председателя крайкома профсоюза коммунальщиков и др.

Работа в газете воспринималась именно как пропагандистская работа — вернее, вариант таковой. И это верно: главной задачей прессы была прежде всего пропаганда. Показательно, что в имеющихся автобиографиях, заключениях, справках и иных документах порой даже не указывались названия газет, в которых работал кандидат ранее: информация ограничивалась указанием района, в газете которого он работал. Прошедшего курсы пропагандистов или заведующего отделом пропаганды райкома направляли в газету, а в случае необходимости из районной газеты перебрасывали пропагандистом в райком партии. Иногда это повторялось: Игнатьев И. М.; секретарь парткома мясовоховоза (1931—1932), редактор газеты в Орске (1932—1933), зав. отделом райкома (1933—1934), редактор газеты в Ульяновске (1934—1935) [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 4320]; Федюнин И. К.: секретарь комитета ВЛКСМ зерносовхоза (1929—1931), редактор газеты политотдела совхоза «Маяк» (1931—1933), секретарь парткома (1933—1934), секретарь редакции совхозной газеты (1934—1936) [Там же, оп. 29, д. 993].

Анализ кадровых перестановок позволяет определить кадровые приоритеты под воздействием внешних факторов. Вероятно, самым значимым было укомплектование политотделов МТС (машинно-транспортных станций). Туда людей направляли по мобилизации; в документах: «был взят в политотдел», «мобилизован в политотдел». Прежняя должность или обучение практически не учитывались. Так, И. К. Инжеватов с высшим педагогическим образованием с 1931 по 1939 годы прошел путь от учителя до зав. Бугурусланским райотделом. Был признан одним из лучших заведующих райотделов. Но был послан начальником политотдела Каликинской МТС, а после ликвидации политотделов — редактором районной газеты. К прежней профессии не вернулся [Там же, оп. 28, д. 4404]. Не вернулся к избранной профессии и М. И. Степнов, «взятый» в политотдел с первого курса Куйбышевского мединститута [Там же, д. 1430]. В феврале 1935 года политотделы были слиты с райкомами, после чего мобилизованные работники были направлены редакторами в районные газеты, всего 15 чел. от общего числа — 18,8 %.

Если говорить именно о газетной работе, то нормальная карьерная лестница, подающаяся современной логике роста, выстраивалась так: политотдельская газета, районная, областного уровня. Это видно на примере В. И. Германовича: начинал как редактор заводской газеты в Чапаевске, с созданием Оренбургской области послан туда из Средне-Волжской области на работу редактором — сначала многотиражка, затем городская газета «Орский рабочий», с 1939 года зав. отделом в областной «Чкаловской коммуне» [Там же, д. 2240]. Несколько человек, получивших в той или иной степени профессиональные знания, в итоге работали в газетах областного уровня («Смычка», «Оренбургская коммуна», «Большевистский сигнал»).

Система назначения с исполнением приказа в рамках партийной дисциплины несла в себе неизбежные сбои. Были отдельные случаи, когда газетчики заявляли о своем нежелании работать в газете: «Использование мое на газетной работе считаю не целесообразным» (Савельев С. Ф.) [Там же, д. 451, л. 5 об]. Были случаи, когда райком снимал или ставил вопрос о снятии с должности. Так, В. П. Гусев, зам. редактора районной газеты был признан не справляющимся с работой [Там же, д. 2835, л. 17]. Секретарь Ново-Покровского райкома полагал «дальнейшее использование» редактора Т. К. Гончарова «на этой работе невозможным», так как то выполнял свои обязанности «с большим нежеланием» [Там же, д. 2465, л. 13 об]. Но эти люди уже вошли в номенклатуру и были проверены. В итоге в отношении В. П. Гусева было решено, что его «можно использовать на второстепенной газетной работе в другом районе» [Там же, д. 2835, л. 15]. С. Ф. Савельев был рекомендован в областную газету «Чкаловская коммуна». Т. К. Гончаров утвержден «заместителем областного комитета радиоинформации и главным редактором комитета» [Там же, д. 2465, л. 23]. Не отмечено ни одного случая увольнения по профнепригодности. Но вообще увольнения имели место — прежде всего в связи с репрессиями 1937—1939 годов.

3.4. Репрессии «1937-го года» в судьбах журналистов Оренбуржья конца 1920-х — начала 1930-х годов

На наш взгляд, раскрытие темы будет неполным без освещения сюжета условного «1937 года». В историографии присутствуют два варианта трактовки событий, связанных с репрессиями. Те авторы, кто писал о журналистах вне конкретной исторической реальности, специально репрессии 1937-го не выделяют. Например, Е. И. Приходько, констатируя, что в 1937 году в редакциях газет «Сталинский призыв» и «Вышка» сменились по три редактора, объясняет это текучестью руководящих кадров [Приходько, 2014, с. 14]. Иной вариант — упоминание о репрессиях в общем: «Несколько редакторов было арестовано, несколько сняты с работы по политическим причинам» [Гаврилюк, 2008, с. 15]; «Многие и многие стали жертвами репрессий» [Кондратенко, 2010, с. 14]; «Вторая половина 30-х годов стала катастрофой для журналистов...власть обрушила на них беспощадные репрессии. Были истреблены целые творческие коллективы» [Тепляков, 2013, с. 35]. Понятно, что конкретизировать подобные суждения можно только архивными данными; доступ к документам подобного рода крайне ограничен. Привлекаемые нами личные дела номенклатуры несколько расширяют информационную картину.

В названный временной интервал наблюдаются настолько странные передвижения с должности на должность, причем порой на короткий срок, что со значительной долей вероятности можно предположить, что мотивы

вом таковых было стремление срочно заполнить освободившуюся более важную, по мнению райкома или вышестоящих уровней, должность. Причины ухода со своих должностей тех, кого теперь замещали, в документах отсутствуют, но наиболее вероятная версия в этих случаях — репрессии. Во всяком случае, именно на них обращают внимание все, кто затрагивает события 1937—1939 годов. При этом наблюдаются два варианта: первый — выдвижение на высокую должность человека, ранее занимавшего значительно более скромную или даже занятого ранее в иной сфере, и второй — наоборот, смещение занимавшего достаточно ответственную должность из иной сферы приложения — в редакцию.

Примеры первого варианта: С. Ф. Савелов, редактор политотдельской газеты, в 1937 году назначается временно исполняющим обязанности начальника политотдела, а через несколько месяцев рекомендуется на повышение редактором районной газеты, в 1939 году — зам. редактора областной «Чкаловской коммуны» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 451]. Курсант эксплуатационных курсов Орской ТЭЦ П. А. Романов с мая 1937 года по август 1938 года исполнял обязанности ответственного редактора многотиражки этой ТЭЦ. Затем его назначают председателем Адамовского райсовета ОСОАВИАХИМА [Там же, д. 234]. Постоянно работавший в профсоюзах Н. Г. Кульмизов в апреле 1938-го назначается уполномоченным Чкаловского облрадиокомитета по Сорочинскому району, а с апреля 1939 года — секретарем редакции районки [Там же, оп. 27, д. 1675]. В декабре 1937 года председатель колхоза А. Я. Туркин, не имевший даже начального образования (только год обучения в СПШ в 1932—1933 годах), назначен заместителем ответственного редактора Ивановской районной газеты [Там же, оп. 28, д. 2110]. И. Г. Ильясов — инспектор РОНО школ для взрослых — с декабря 1937 года стал зам. редактора Андреевской районной газеты, затем ее редактором [Там же, д. 4400, л. 8]. Зоотехника Н. Н. Синицына в августе 1938 года райком выдвинул редактором [Там же, д. 976].

Примеры второго: Директор птицекомбината в Бугуруслане М. В. Тимофеев был снят из-за пожара на комбинате, назначен управляющим заготконторой в Переволоцком районе, а с февраля 1938 года выдвинут зам. редактора райгазеты [Там же, д. 1856]. Начальник отдела кадров Никелькомбината И. М. Игнатьев в 1938 году был поставлен директором школы в Орске, с 1939 года — редактором газеты «Орский рабочий» [Там же, д. 4320]. Директор раймелькомбината А. И. Горбунов с февраля 1938 года по 1 июля 1939 года был секретарем редакции райгазеты, затем стал инструктором отдела кадров райкома партии [Там же, д. 2517]. И. И. Сушинин, комсомольский работник с 1932 года, секретарь райкома комсомола, в 1937 году становится ответственным редактором районной газеты [Там

же, д. 1634]. Заведующий фермой Ордабай Канкин в 1937 году был поставлен инструктором райкома партии, а затем редактором газеты на казахском языке [ОГАОО, ф. 371, оп. 27, д. 194]. Председатель рабочкома В. П. Гусев с 15 августа 1937 года по решению райкома стал заместителем редактора районной газеты [Там же, оп. 28, д. 2835, л. 8 об].

Впрочем, есть и третий вариант — когда, судя по дальнейшей биографии, работник, далекий от газетного дела, тем не менее на некоторое время направлялся в газету: П. Ф. Унгурьянов, инспектор райуполнаркомзаг (районный уполномоченный наркомата заготовок) с апреля 1938 года был поставлен заместителем ответственного редактора, чуть позже — ответственным редактором. С декабря 1940 года он стал заведующим военным отделом райкома [Там же, д. 2233]; инструктор райкома А. И. Синельников с ноября 1938 года по январь 1939 года был литератором в газете, затем — помощником прокурора [Там же, д. 953]; секретарь райкома партии Я. С. Седых в феврале — октябре 1939 года — заместитель редактора, затем — редактор многотиражки Пономаревского зерносовхоза. С октября взят на работу в органы НКВД [Там же, д. 720].

Достаточно логично поставить вопрос о репрессиях в отношении самих газетных работников. Здесь необходимо уточнение в отношении того, какие меры имеются в виду. Если принимать *репрессии* в толковании большинства словарей и энциклопедий — как карательную меру, наказание, то к их числу уместно относить и объявление выговора, снятие с должности, даже исключение из партии. В то же время все перечисленное могло быть лишь условным воспитательным моментом, и наказанный вскоре возвращался на подобную должность, восстанавливался в партии и т. п. Так, Ф. Г. Сапожников был в 1937 году снят с должности редактора за «необеспечение развора критики и самокритики в газете и за выступление на собрании актива в защиту секретаря РК ВКП(б)». Далее он — заместитель редактора в другой районной газете, с 1939 года — ее редактор [Там же, д. 371]. С. Ф. Савелов в 1937 году получил выговор за «притупление большевистской бдительности — за опубликование в политотдельской газете рекомендательного списка художественной литературы в помощь изучающим историю ВКП(б), в котором оказались книги авторов, разоблаченных врагов народа» [Там же, д. 451, л. 5]. В начале 1938 года райком снял взыскание. В 1941 году — он зав. орг. инструкторского отдела райкома партии. В 1939 году райком за «допущение грубых политических извращений, пропусков и технических ошибок» в газете обратился в обком партии с требованием снять с должности И. И. Исаева, однако обком не дал согласия [Там же, д. 4433, л. 16].

Если же исходить из толкования репрессии как «карательной меры со стороны государственных органов (тюремное заключение, ссылка,

расстрел» [БТСРЯ, 2008], то можно прибавить к нашему списку еще пять человек. В. С. Сорокин в 1937 году был снят с должности редактора районной газеты; далее он писал: «По согласованию с РК ВКП(б) я поступил на работу технормировщиком на никельрудник “Айдарбан”, где 21 февраля 1938 года был арестован как враг народа и заключен под стражу». Под стражей он находился до 4 марта 1939 года, после чего был освобожден, и дело было прекращено [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1315, л. 7—7 об]. Остальные четверо свободы не лишались. И. В. Решетов в августе 1937 года был выдвинут редактором районной газеты, а в ноябре уволен и исключен из партии «за связь с врагами народа и пособничество». В декабре восстановлен в партии, работал инспектором отделения госбанка, в мае 1938 года взят инструктором в райком [Там же, оп. 27, д. 1732, л. 2 об]. В. Л. Дворянчиков в августе 1937 года был уволен из редакции «Большевистской смены» с формулировкой «За допущенные политические ошибки в статье “Плохие вожаки молодежи”»; в дальнейшем восстановлен на работе [Там же, оп. 26, д. 2959, л. 7]. С. Б. Байгабылов в июне 1937 года снят с редакторства и исключен из комсомола за связь с алашордынцами (казахские националисты), восстановлен в январе 1938 года. Эти полгода он работал в колхозе [Там же, д. 640]. И. К. Гудов, директор областной школы советского строительства, был уволен в 1937 году «за связь с врагами народа и укрывательство врага народа», после чего около года работал кладовщиком куспромартели. Однако в 1938 году был принят литработником в областную «Чкаловскую коммуну», после чего еще около 20 лет работал в редакциях газет [Там же, оп. 28, д. 2764].

Действительно репрессированных получается немного — только два человека, притом с оговорками. Мы допускаем, что был репрессирован Х. А. Зиганшин, редактор газеты Асекеевского района, но вывод сделан по косвенным данным. В «дополнении к личному листку по учету кадров», где указывались данные о работе с момента взятия на учет, содержались колонки, в которых следовало указать даты вступления в должность и оставления должности, основание записи и подпись производящего запись. Эта информация присутствует практически у всех, в обязательном порядке. В данном случае дата ухода указана коротко: «VIII-37» [Там же, оп. 26, д. 3031, л. 1]. И, наконец, четкое указание имеется в деле только одного — Н. А. Росницкого. В протоколе бюро обкома 20 июня 1937 года указано недвусмысленно: «Исключить... как двурушника врага народа» [Там же, оп. 28, д. 259, л. 19]. Только Росницкий, как уже упоминалось выше, на тот момент уже не был газетчиком; вернее, был, но раньше; и можно предполагать, что он был репрессирован как бывший эсер-максималист.

4. Заключение = Conclusions

Мы приходим к выводу о том, что в начале 1930-х годов в стране сложилась система пропагандистского воздействия на массы, где особую роль играла периодическая печать. Административные преобразования, имевшие следствием создание областей и районов, повлекли за собой ощутимое увеличение числа печатных изданий (в Оренбургской области, например, в десятки раз). Неизбежным следствием было обострение проблемы кадрового обеспечения. Наиболее сложным было положение в провинциальных областях, таких как Оренбургская — юго-восточная окраина европейской части РСФСР. В созданной в декабре 1934 года области кадровых ресурсов газетных работников не было вообще, как не было и соответствующего профессионального обучения. В то же время поставленная партией задача обеспечения населения газетами, а редакций — кадрами требовала скорого и обязательного решения. Применительно к Оренбуржью кадровый вопрос успешно решался за счет направления в редакции номенклатурных работников — пропагандистов, чаще всего — секретарей райкомов. При необходимости редакторы перенаправлялись на иную пропагандистскую работу. Базовым критерием при принятии кадровых решений было не наличие профессиональных навыков, но идеологическая надежность, которую гарантировали неоднократные проверки таковой. Именно поэтому, несмотря на распространенное в литературе и публицистике (как, впрочем, и в быденном сознании наших современников) мнение о массовых репрессиях в условном «1937 году», провинциальные газетные работники массово не репрессировались. Освобождение в 1937—1939 годах от должности редакторов за политические ошибки в большинстве случаев не влекло за собой иных карательных мер; все ограничивалось направлением на новую должность.

Схожесть уровня образования работников редакций, уровня подготовки кадров, пришедших в районные газеты во второй половине 1930-х годов, а также их последующие карьерные траектории позволяют заключить, что для исполнения служебных обязанностей редактора допускался низкий уровень образования, иногда в объеме начальной школы, то есть специалисты с отсутствием профильного образования привлекались к выполнению трудовых функций редактора газеты. Во всяком случае, региональные архивные материалы свидетельствуют, что газетные работники оренбургской провинции той поры не имели специального образования — журналистского или филологического. Это были прежде всего пропагандисты, достаточно легко заменяемые и способные заменить людей с теми же функциями, но на иных должностях. В их задачу входило прежде всего обеспечение своевременного выхода газетных номеров с централизованно распространяемой информацией. Собственно журналистика появляется

в следующем историческом периоде — в меняющихся общественно-политических условиях и с развитием системы высшего образования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / главный редактор С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт; Москва : Рипол классик, 2008. — 1534 с.
2. ОГАОО — *Объединенный государственный архив Оренбургской области*. Ф. 371 (Оренбургский областной комитет КПСС, г. Оренбург). Оп. 1, 3, 26—29.
3. *Оренбургская коммуна*. — 1935. — 19 апреля.
4. *Средне-Волжская область: сборник материалов к 1-ой Областной Конференции ВКП(б) и 1-му Областному съезду Советов*. — Самара : Временное Бюро ЦК ВКП(б) и организ. комитета Средне-Волжск. области, 1928. — 119 с.

Литература

1. *Бабина К. А.* Трансформации районных газет в условиях новой экономической и медийной среды (на примере Оренбургской области) / К. А. Бабина // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. — 2014. — № 3 (16). — С. 159—166.
2. *Барунов В. Ю.* Советско-партийные школы в начальный период нэпа : основы образования или идеологическая обработка (на материалах Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний) / В. Ю. Барунов // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. — 2010. — № 3. — С. 57—63.
3. *Безгин В. Б.* Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» / В. Б. Безгин, К. Я. Якимов // *Вестник архивиста*. — 2022. — № 4. — С. 1235—1247. — DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247.
4. *Болотова Е. Ю.* Периодическая печать Нижнего Поволжья в 1920—1930-е гг. / Е. Ю. Болотова, И. Л. Гаврилюк. — Волгоград : Перемена, 2012. — 119 с. — ISBN 978-5-9935-0280-9.
5. *Восленский М. С.* Номенклатура : Господствующий класс Сов. Союза / М. С. Восленский ; предисловие М. Джиласа. — 1-е сов. изд. — Москва : Октябрь : Сов. Россия, 1991. — 622 с. — ISBN 5-268-00063-2.
6. *Вязинкин А. Ю.* Между деревней и городом : радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // *Научный диалог*. — 2023. — № 12 (7). — С. 312—329. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329>.
7. *Гаврилюк И. Л.* Развитие периодической печати в Нижнем Поволжье в 1920—1930-е гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Л. Гаврилюк. — Астрахань, 2008. — 20 с.
8. *Кондратенко А. И.* Становление профессионального журналистского образования в 1930-е годы / А. И. Кондратенко // *Знак. Проблемное поле медиаобразования*. — 2010. — № 1 (5). — С. 9—15.
9. *Костякова Ю. Б.* Рабочие и сельские корреспонденты : оценка с позиций интеллигентоведения (на материалах Хакасии и Горного Алтая) / Ю. Б. Костякова // *Intelligentsia and the World = Интеллигенция и мир*. — 2012. — Issue 3. — С. 60—78.

10. *Лиджеева К. Ф.* Подготовка кадров в калмыцкой советско-партийной школе как составляющая трансформации модели общества / К. Ф. Лиджеева, Ц. В. Олчанова // Каспийский регион : политика, экономика, культура : научный журнал. — 2019. — № 3 (60). — С. 42—46.

11. *Никонов И. И.* Деятельность советско-партийных школ по подготовке командно-административных кадров в начале нэпа (на материалах Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний) / И. И. Никонов, В. Ю. Барунов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2010. — № 3. — С. 63—65.

13. *Овсепян Р. П.* В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX / Р. П. Овсепян. — Москва : Изд. РИП-холдинг, 2001. — 316 с. — ISBN 5-900045-17-X.

14. *Приходько Е. И.* История и динамика развития районной прессы Краснодарского края 1920—1991 годов : на примере газет Апшеронского, Белореченского и Горячеключевского районов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Е. И. Приходько. — Краснодар, 2014. — 24 с.

15. *Сафонов Д. А.* «Опора режима» : проблема защиты коммунистической власти в годы гражданской войны / Д. А. Сафонов // Вопросы истории. — 2020. — № 12—1. — С. 44—55. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi04.

16. *Свитич Л. Г.* Журналист и его работа / Л. Г. Свитич, А. А. Ширяева. — Москва : МГУ, 1979. — 191 с.

17. *Свитич Л. Г.* Журналисты двадцатых годов (из истории социологических исследований) / Л. Г. Свитич // Вестник Моск. ун-та. Сер. Журналистика. — 1973. — № 6. — С. 42—55.

18. *Свитич Л. Г.* Социология журналистики / Л. Г. Свитич. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 397 с. — ISBN 978-5-534-00396.

19. *Селифонова Т. Н.* Периодическая печать Курской области конца 30-х — начала 40-х гг. XX в. : проблемы и трудности / Т. Н. Селифонова // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2013. — № 2 (26). — С. 137—140.

20. *Селифонова Т. Н.* Подготовка кадров для местной печати в 30—40-е годы XX века (неизвестные страницы) / Т. Н. Селифонова // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2012. — № 2 (22). — С. 1—4.

21. *Слезин А. А.* Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.

22. *Смирнова С. Ю.* Становление и развитие профессиональной подготовки журналистских кадров в Республике Марий Эл : история и современность : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. Ю. Смирнова. — Йошкар-Ола, 2008. — 28 с.

23. *Тепляков А. Г.* Журналисты и власть Западной Сибири в 1930-е годы : конформизм и сопротивление / А. Г. Тепляков // Вестник Новосибирского государственного университета (НГУ). Серия : История. Филология. — 2013. — Т. 12. — Выпуск 6. — С. 30—35.

24. *Фатеева И. А.* Журналистское образование в России : теория, история, современная практика : автореферат диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.10 / И. А. Фатеева. — Екатеринбург, 2008а. — 45 с.

25. *Фатеева И. А.* История Челябинской областной партийно-газетной школы в контексте развития профессионального медиаобразования Южного Урала / И. А. Фатеева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008б. — Выпуск 24. — № 15 (116). — С. 69—77.

25. Фатеева И. А. Профессиональная подготовка журналистов 20—30-х годов в системе формального образования : формы существования и взаимодействия с социальными институтами / И. А. Фатеева // Знак. — 2007. — № 1 (1). — С. 27—38.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.

Material resources

- BTSRYa — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (2008). St. Petersburg: Norint; Moscow: Ripol classic. 1534 p. (In Russ.).
- OGAoo — *United State Archive of the Orenburg region. F. 371 (Orenburg Regional Committee of the CPSU, Orenburg). Op. 1, 3, 26—29*. (In Russ.).
- Orenburg commune. April 19th*. (1935). (In Russ.).
- Sredne-Volzhskaya oblast: collection of materials for the 1st Regional Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the 1st Regional Congress of Soviets*. (1928). Samara: Provisional Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Organizing Committee of the Middle Volga Region. 119 p. (In Russ.).

References

- Babina, K. A. (2014). Transformations of regional newspapers in the conditions of a new economic and media environment (on the example of the Orenburg region). *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 3 (16): 159—166. (In Russ.).
- Barunov, V. Yu. (2010). Soviet-party schools in the initial period of the NEP: fundamentals of education or ideological processing (based on the materials of Ivanovo-Voznesenskaya, Kostroma and Yaroslavl provinces). *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasova*, 3: 57—63. (In Russ.).
- Bezgin, V. B., Yakimov, K. Ya. (2022). Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the “revolutionary turning point”. *Bulletin of the archivist*, 4: 1235—1247. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247. (In Russ.).
- Bolotova, E. Y. (2012). *Periodical press of the Lower Volga region in the 1920s—1930s*. Volgograd: Peremena. 119 p. ISBN 978-5-9935-0280-9. (In Russ.).
- Fateeva, I. A. (2007). Professional training of journalists of the 20—30s in the system of formal education: forms of existence and interaction with social institutions. *Sign*, 1 (1): 27—38. (In Russ.).
- Fateeva, I. A. (2008a). *Journalistic education in Russia: theory, history, modern practice*. Author’s abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 45 p. (In Russ.).
- Fateeva, I. A. (2008b). The history of the Chelyabinsk regional party and newspaper school in the context of the development of professional media education in the Southern Urals. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 24/15 (116): 69—77. (In Russ.).
- Gavrilyuk, I. L. (2008). *The development of periodicals in the Lower Volga region in the 1920s—1930s*. Author’s abstract of PhD Diss. Astrakhan. 20 p. (In Russ.).
- Hovsepyan, R. P. (2001). *In the labyrinths of the history of domestic journalism. Century XX*. Moscow: RIP-holding Publishing House. 316 p. ISBN 5-900045-17-X. (In Russ.).
- Kondratenko, A. I. (2010). The formation of professional journalistic education in the 1930s. *Sign. The problematic field of media education*, 1 (5): 9—15. (In Russ.).
- Kostyakova, Yu. B. (2012). Workers and rural correspondents: an assessment from the standpoint of intellectual studies (based on the materials of Khakassia and the Altai Mountains). *Intelligentsia and the World = Intelligentsia and the World*, 3: 60—78. (In Russ.).

- Lidzheeva, K. F., Olchanova, T. S. (2019). Personnel training in the Kalmyk Soviet Party school as a component of the transformation of the model of society. *Caspian region: politics, economics, culture: scientific journal*, 3 (60): 42—46. (In Russ.).
- Nikonov, I. I., Barunov, V. Yu. (2010). Activity of Soviet-party schools for the training of command and administrative personnel at the beginning of the NEP (based on the materials of Ivanovo-Voznesenskaya, Kostroma and Yaroslavl provinces). *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 3: 63—65. (In Russ.).
- Prikhodko, E. I. (2014). *The history and dynamics of the development of the regional press of the Krasnodar Territory in 1920—1991: on the example of newspapers in the Absheron, Belorechensk and Goryacheklyuchevsky districts*. Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 24 p. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2020). "Support of the regime": the problem of protecting communist power during the Civil War. *Voprosy istorii*, 12—1: 44—55. DOI: 10.31166/VoprosyIstori202012Statyi04. (In Russ.).
- Selifonova, T. N. (2012). Training of personnel for the local press in the 30—40s of the twentieth century (unknown pages). *Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University*, 2 (22): 1—4. (In Russ.).
- Selifonova, T. N. (2013). Periodical press of the Kursk region of the late 30s — early 40s of the twentieth century: problems and difficulties. *Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University*, 2 (26): 137—140. (In Russ.).
- Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of "Revolutionary Turning Point" Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 453—469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469. (In Russ.).
- Smirnova, S. Y. (2008). *Formation and development of professional training of journalistic personnel in the Republic of Mari El: history and modernity*. Author's abstract of PhD Diss. Yoshkar-Ola. 28 p. (In Russ.).
- Svitich, L. G. (1973). Journalists of the twenties (from the history of sociological research). *Vestnik. Moscow. Univ. Ser. Journalism*, 6: 42—55. (In Russ.).
- Svitich, L. G. (1979). *The journalist and his work*. Moscow: Moscow State University. 191 p. (In Russ.).
- Svitich, L. G. (2024). *Sociology of journalism*. Moscow: Yurait Publishing House. 397 p. ISBN 978-5-534-00396. (In Russ.).
- Teplyakov, A. G. (2013). Journalists and the power of Western Siberia in the 1930s: conformism and resistance. *Bulletin of Novosibirsk State University (NSU). Series: History. Philology*, 12 (6): 30—35. (In Russ.).
- Voslensky, M. S. (1991). *Nomenclature: The ruling class of Ows. Union*. Moscow: MP "October": Sov. Russia. 622 p. ISBN 5-268-00063-2. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Between Village and City: Radicals of "Revolutionary Breakthrough" Generation at beginning of 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 312—329. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329> (In Russ.).

*The article was submitted 28.04.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*